A portrait of Anton Chekhov, a Russian writer, director, and actor. He is shown from the chest up, wearing a dark suit, a white shirt, and a dark tie. He has a beard and mustache and is wearing round-rimmed spectacles. His right hand is resting on his chin, and he is looking directly at the viewer with a serious expression. The background is dark and indistinct.

*“Мать всех
российских зол –
это грубое
невежество”.*

Антон Чехов

АНТОН Чехов

РОССИЯ — СТАРАЯ БОЛЬНАЯ ДАМА

ЗАПИСКИ ВРАЧА

Антон Павлович Чехов
Россия – старая больная
дама. Записки врача
Серия «Кто мы?»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67427238

Россия – старая больная дама. Записки врача:

ISBN 978-5-00180-452-9

Аннотация

«Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность», – говорил А.П. Чехов. Действительно, многие его произведения можно считать своеобразным диагнозом современной ему России. Он писал о «скучном, унылом и пошлом» существовании российских обывателей, затрагивая и те причины, по которым Россия в целом была похожа на старую больную даму. «В азиатской стране, где нет свободы печати и свободы совести, где живет так тесно и так скверно и мало надежды на лучшие времена», не может быть по-другому, утверждал Чехов. Все заражены здесь в той или иной степени бациллами лжи, хитрости, зависти, и оттого картины российской жизни становятся «пострашнее видений Гамлета».

В книгу вошли очерки, заметки и письма А.П. Чехова, затрагивающую данную тему.

Содержание

АВТОБИОГРАФИЯ	4
НАШИ БОЛЕЗНИ. МАЛЕНЬКИЕ	6
ЧАСТНОСТИ БОЛЬШОГО ОБЩЕГО	
НАШЕ НИЩЕНСТВО	6
ИНТЕЛЛИГЕНТЫ-КАБАТЧИКИ	11
АПТЕКАРСКАЯ ТАКСА	13
МОСКОВСКИЕ ЛИЦЕМЕРЫ	17
ОСКОЛКИ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ	21
ФОКУСНИКИ	42
«ГОВОРИЛЬНИ» И ОРАТОРЫ	54
АФЕРИСТЫ	57
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Чехов Антон Павлович

Россия – старая больная дама. Записки врача

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, А. П. Чехов, родился 17 января 1860 г., в Таганроге. Учился сначала в греческой школе при церкви царя Константина, потом в Таганрогской гимназии. В 1879 г. поступил в Московский университет на медицинский факультет. Вообще о факультетах имел тогда слабое понятие и выбрал медицинский факультет – не помню по каким соображениям, но в выборе потом не раскаялся.

Уже на первом курсе стал печататься в еженедельных журналах и газетах, и эти занятия литературой уже в начале восьмидесятых годов приняли постоянный, профессиональный характер. В 1888 г. получил Пушкинскую премию.

В 1890 г. ездил на о. Сахалин, чтобы потом написать книгу о нашей ссыльной колонии и каторге.

Не считая судебных отчетов, рецензий, фельетонов, замечаний, всего, что писалось изо дня в день для газет и что теперь было бы трудно отыскать и собрать, мною за 20 лет литературной деятельности было написано и напечатано более 300

печатных листов повестей и рассказов. Писал я и театральные пьесы.

- Знакомство с естественными науками, с научным методом всегда держало меня настороже, и я старался, где было возможно, соотноситься с научными данными, а где невозможно – предпочитал не писать вовсе. Замечу кстати, что условия художественного творчества не всегда допускают полное согласие с научными данными; нельзя изобразить на сцене смерть от яда так, как она происходит на самом деле. Но согласие с научными данными должно чувствоваться и в этой условности, т. е. нужно, чтобы для читателя или зрителя было ясно, что это только условность и что он имеет дело со сведущим писателем.

К беллетристам, относящимся к науке отрицательно, я не принадлежу; и к тем, которые до всего доходят своим умом, – не хотел бы принадлежать.

Что касается практической медицины, то еще студентом я работал в Воскресенской земской больнице (близ Нового Иерусалима), у известного земского врача П. А. Архангельского, потом недолго был врачом в Звенигородской больнице. В холерные годы (1892, 1893) заведовал Мелиховским участком Серпуховского уезда.

НАШИ БОЛЕЗНИ. МАЛЕНЬКИЕ ЧАСТНОСТИ БОЛЬШОГО ОБЩЕГО

(из очерков А.П. Чехова)

НАШЕ НИЩЕНСТВО

Политико-экономы и полицейское право, ведущие борьбу с уличным нищенством, говорят: «Ради блага человечества не подавайте ни копейки!» Эту фразу следует видоизменить таким образом: «Ради блага человечества не просите милостыни», и вторая форма, кажется, будет ближе к решению вопроса, чем первая. Ведь берут и просят гораздо чаще, чем дают.

Редко кто умеет и любит давать. Русский человек, например, ужасно застенчив, когда дает или предлагает, зато просить и брать он умеет и любит, и это даже вошло у него в привычку и составляет одно из его коренных свойств. Это свойство присуще в одинаковой степени всем слоям общества: и уличным нищим, и их благодетелям. В низших слоях развита и веками воспитана страсть к нищенству, попрошайничеству, приживальству, а в средних и высших — ко вся-

кого рода одолжениям, любезностям, пособиям, заимствованиям, уступкам, скидкам, льготам...

Извозчик просит прибавки, трактирный официант презирует того, кто не дает ему на чай, акушерка не стыдится стоять на крестинах с тарелочкой и собирать с гостей двугривенные, драматург со спокойной совестью заимствует чужие пьесы и выдает их за свои, одна десятая пассажиров в каждом поезде едет бесплатно, в театрах, загородных садах и в цирках даровые посетители составляют необходимое, привычное зло, с которым не решится вести борьбу ни один антрепренер; в каждом правлении железной дороги или банка вы найдете с десятков порядочных, очень приличных людей, получающих жалованье совершенно даром; ни один чиновник не откажется от пособия или командировки, и любой врач подтвердит, что добрая половина тех медицинских свидетельств, которые прилагаются к прошениям об отпусках и пособиях, выдаются из любезности, а не по совести.

У самой щепетильной и совестливой части общества – у молодежи – стипендии, пособия, подписки, концерты с даровыми исполнителями давно уже стали обычаем; Общество вспомоществования недостаточным студентам никак не может получить долгов с своих бывших клиентов, и, кажется, не было еще примера, чтобы студент, ставши богатым человеком, считал нужным возратить свою стипендию.

О неуважении к мелким долгам и авансам, о зачитывании чужих книг и рукописей, о том, что из ста тысяч читающих за

чтение платит только одна тысяча, нечего и говорить. Каждый интеллигентный человек читал Тургенева и Толстого, но далеко не каждый платил за их сочинения.

Красть безнравственно, но брать можно. Адвокат берет за свое участие в бракоразводном процессе *minimum* четыре тысячи не потому, что это должно, а потому что можно. Художник за свою картину, написанную в пять дней, просит десять тысяч, артист просит за сезон двадцать две тысячи, и никто за это не называет их дурными людьми. Можно брать – и они в глазах общества правы.

И сознание, что «это можно», всякого просящего и берущего спасает от стыда и неловкого чувства. Иная полковница, почтенная мать семейства, стыдится, что у нее седые волосы, но ей нисколько не стыдно ехать в поезде по билету агента или сидеть в партере театра по контрамарке, взятой у знакомого капельдинера.

Стыдно лгать, но не стыдно просить у доктора медицинского свидетельства, чтобы одурачить казну и содрать с нее ни за что ни про что 200 – 300 – 1 000 рублей, не стыдно просить у влиятельной особы места для человека, заведомо неспособного. Порядочный человек не перестает быть порядочным оттого, что даром получает жалованье или едет в командировку, над которой сам же смеется. О пособиях, подписках, даровых жалованьях, о бесплатных билетах и контрамарках, о зачитанных книгах и проч. все говорят вслух, никто не краснеет, все чувствуют себя прекрасно и все ми-

лые люди.

Те, кому все это несимпатично в русском человеке, оправдывают его рудинскими свойствами его характера, именно тем, что русский человек относится одинаково беспечно как к чужой, так и к своей собственности: он зря берет и в то же время зря дает. Пусть так. Но ведь человеку, кроме характера и темперамента, дана еще способность рассуждать; кто берется оправдывать или обвинять, тот не должен забывать об этой способности. Каждый зря просящий и зря берущий, если он не извозчик и не официант, легко может рассудить и понять, что все эти одолжения, любезности, уступки, скидки и льготы не так невинны, как кажется, что за кулисами всего этого чрезвычайно часто кроются несправедливость, произвол, насилие над чужою совестью, эксплуатация чужого чувства, преступление. Разве начальник станции, дающий даровой билет, не крадет? Разве льгота, данная Ивану, не служит в ущерб Петру?

Хуже всего, что беспечность и художественный беспорядок, царящие в отношениях русского человека к чужой собственности, попрошайничество и страсть получать незаслуженно и даром воспитали в обществе дурную привычку не уважать чужой труд. Барин, играющий в винт, нимало не думает о своем кучере, мерзнущем на дворе; так и наше общество привыкло не думать о том, что сельское духовенство работает почти даром и живет впроголодь, учителя, получающие за свой тяжелый труд гроши, бедствуют, что в город-

ских больницах работает даром, ничего не получая от общества, масса молодых врачей. Редко кто ратует за прибавку жалованья, например, офицерам или почтовым чиновникам, но за убавку готово стоять большинство. Чем дешевле, тем лучше, а если даром, то это еще лучше.

Уличное нищенство – это только маленькая частность большого общего. Нужно бороться не с ним, а с производящею причиною. Когда общество во всех своих слоях, сверху донизу, научится уважать чужой труд и чужую копейку, нищенство уличное, домашнее и всякое другое исчезнет само собою.

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ-КАБАТЧИКИ

При выборе председателей и членов для вновь учрежденных уездных по питейным делам присутствий чуть ли не в каждом уезде всплывают наружу «наглядные несообразности». Мы не советуем педагогам брать эти несообразности для своих картинок, ибо каждая разгадка будет стоить ребенку тошноты, чувства омерзения и разочарования. Хотите верить, хотите нет, но мы были на выборах и узнали следующее.

Евгений Онегин и Печорин, метившие в члены присутствия, не выбраны, как лица, принадлежащие к числу содержателей питейных заведений в уезде. Лаврецкий, этот милый человек, посвятивший свою жизнь борьбе с народным пьянством и говорящий на юбилейных обедах такие горячие, смелые речи, не попал в члены, потому что держит три кабака и один трактир. Толстовский Левин отказался от председательства, ссылаясь на то, что он и его Китти только и живут доходами с кабаков. Юхновские предводитель, председатель земской управы и председатель съезда мировых судей, которые по закону должны были бы войти в состав присутствия, заменены другими лицами, так как торгуют в кабаках... И так далее и так далее... Всех интеллигентов-кабатчиков не сочтешь, ибо оказывается по самым последним данным, что занятие интеллигентов питейным промыслом составляет яв-

ление распространенное...

Несообразность наглядная, декольтированная до цинизма, и когда вы начинаете ее разгадывать, то первым делом наталкиваетесь на странное, совсем непонятное двуличие. Возьмем Янусов хоть города Юхнова. С одной стороны, хлопоты о школах, разговоры о борьбе с пьянством, и проч. и проч., с другой – неустанное собирание медных пятак и алтынов за отравляющую и развращающую сивуху. С одной стороны – желание заседать в присутствии и ратовать против общего зла, с другой – горячий протест, когда предлагают г. Янусу стереть с его лба слишком рельефные «распивочно и на вынос». Извольте же понять такую двойственность!

Известно, что русский интеллигент, каковы бы ни были его принципы, очень брезглив, но в этой двойственности не заметно даже подобного качества. Один из кабатчиков-интеллигентов Смоленской губернии, ввиду того, что закон возбраняет обывателю иметь торговых заведений свыше известного числа, записал вновь открытый им кабак на имя сына своего, студента...

Хорош мальчик, этот студент! Если он занимается антропологией, то ему должно быть известно, что даже до потопа не существовало таких длинных ушей, какие нацепил к его вискам родной папенька. Или мальчик наивен и попал в кабак, как кур во щи, или же он – чудо, ухитрившееся примирить в себе самом честь русского студента с бесчестием тупого кулака.

АПТЕКАРСКАЯ ТАКСА

*Денег дай, денег дай и успеха ожидай.
Конфектная истина*

В реестре движимого и недвижимого имущества, завещанного миру Каином, имеется, между прочим, и «аптекарская такса». О ней много говорили древние и современники, но, благодаря, вероятно, недостатку в людях красноречия, голоса их могли быть слышимы только в пустыне. Подлежит она ведению фармации, фармакогнозии, фармакопеи и фармакологии. В последней науке она ставится наряду с сильнодействующими веществами. Как сильно действует она на человеческий организм, видно из того, что однократное употребление ее сильно раздражает нервы, частое же употребление ведет к карманной чахотке (*pneumonia carmanica*).

Аптекарская такса обязательна для всех существующих во вселенной аптек, кроме иностранных. Цен, узаконенных ею, не в состоянии изменить никакая сила, хоть бы даже титаническая. Измена ей карается так же жестоко, как измена отечеству и законной жене; если же случается, что в одной аптеке за унцию касторового масла берут вдвое больше, чем в другой, то это объясняется отнюдь не злою волей, а несходством характеров. Торговаться в аптеке и контролировать аптекарский счет считается дурным тоном. Всякий

пытающийся торговаться вызывает на лицах аптекарей презрительную улыбку и выражение крайнего удивления. Апелляция к снисхождению и к простому лавочному приличию тоже третируется как моветонство. Если лекарство стоит 2 рубля 2 копейки, а у вас в кармане только два рубля, то вам говорят:

– Сходите домой и принесите еще две копейки, тогда получите и лекарство...

– Но я живу отсюда за пять верст! Позвольте мне принести эти две копейки завтра!

– Мы в кредит не отпускаем!..

– Но, поймите, у меня умирает жена! Поймите!

– Вы нам мешаете...

Аптекарская такса имеет особенность: она, признавая правила, не знает исключений. «Брать за все без исключения» – ее пароль. Она берет за приготовление лекарства, за лекарство, за смешение его, за взбалтывание, насыщение, разделение на доли, за обертку, сигнатуру, ярлык, печать, посуду, коробку, бумагу, связующую нитку и прочая.

а) За лекарства назначает она цены изумительные. Чтобы напиться допьяна красным вином (*vinum gallicum rubrum*), продающимся в аптеке, мало штиглицовского состояния. Muskus, которым привыкли душиться содержательницы меблированных комнат и прачечных, стоит 37½ коп. за гран, или около 25 руб. за золотник! Бледнейте, Брокеры и Сиу!

б) За приготовление лекарства до полуфунта берется 12

коп., а за фунт 24 коп. Приготовление это заключается в простой переливке из большой посуды в маленькую. Влейте вы в бутылку спирту, и за одну эту процедуру вы уже получаете 24 коп.!.. Под приготовлением строго запрещается разуть настойки, разделение порошков, разделение массы на пилюли и другие ужасно сложные операции. За все это берется особо. Так, за разделение порошков на доли, за каждый порошок берется полторы копейки – гонорар, какого не получал ни один литератор в свете! В больших аптеках (например Феррейна) нет той минуты, в которую не разделялись бы порошки.

Теперь берите в руки арифметику и считайте. Если в минуту разделяется *minimum* десять порошков, то в час – шестьсот, а в 15 рабочих часов, когда в аптеке кипит работа, – девять тысяч порошков. Стало быть, большая аптека на одном только разделении порошков, не влекущем за собой потери вещества, зарабатывает более ста рублей в день! Не правда ли, шикарно? За то, чтобы намазать $\frac{1}{2}$ унца пластыря на холст, берется 15 коп., что в переводе на язык газетчиков значит по рублю за строчку.

с) За посуду цены полагаются бешеные. Бутылочка на два фунта жидкости стоит 18—20 коп. Если бы Трехгорный завод брал столько за каждую пивную бутылку, то хозяин его укрывался бы одеялом из лебяжьего пуха и питался бы сосисками из соловьиных языков. Простая фарфоровая банка в один фунт стоит 27 коп. – цена, перед которой бледнеют Бод-

ри и Дарзанс. За фунтовую коробку из простого картона берется 15 коп. – величина, не снисвшаяся ни одному табачному фабриканту и ни одному кондитеру!

d) За обертку товара не берут даже в самой бедной лавчонке, в аптеке же это удовольствие купно с печатью и ниткой обходится в гривенник. Если фунт хлеба стоит 3 коп., то с аптечной оберткой он стоит уже 13.

И так далее... В конце концов к вечеру аптекарская касса наполняется доверху серебром и золотом, из коих только одна сотая берется за лекарство, все же остальное – от лукавого. В заключение вопрос: куда хозяева аптек девают такую массу денег?

Эти господа хозяева хвастают, что вся ихняя выручка идет на содержание служащих, коих в каждой аптеке много и кои все до единого получили высшее образование, а стало быть, и требуют высшей mzды. Мы же из самых верных источников знаем, что ни одна мало-мальски порядочная торговая фирма не платит своим служащим так мало жалованья, как аптеки.

МОСКОВСКИЕ ЛИЦЕМЕРЫ

Весною этого года московская дума, состоящая на три четверти из купцов, под давлением администрации, городского головы, духовенства и печати, вынуждена была издать правила об ограничении торговли по воскресным и праздничным дням. Купцы стали торговать по праздникам не 10 – 12 часов в день, а только три. На днях эта же самая дума, очевидно пользуясь временным отсутствием лиц, принимавших близко к сердцу приказчиий вопрос, почти единогласно постановила: «Обязательные для городских жителей постановления, действующие под наименованием: „об ограничении торговли в воскресные и праздничные дни“ – отменить».

И отменили. Бакалейная, галантерейная и живорыбная публика, слушавшая прения, кричала «браво!» так громко и единодушно, что ее два раза выводила полиция. Уж воистину браво! Только brave и очень храбрые люди могут говорить публично и не краснея такой вздор, какой выпаливали гг. купцы, желающие во что бы то ни стало торговать по воскресеньям. Один сказал, что «в церковь ходят не приказчики, а интеллигентные люди», другой, торгующий на два гроша в день, жаловался на какие-то многомиллионные убытки, третий, купец Ланин, уравнивающий в себе одним «хозяина и приказчика» (он числится членом общества приказчиков), тоном человека беспристрастного, для которого

одинаково дороги интересы обеих сторон, сказал, что правила не нужны, что можно и торговать и в то же время давать приказчикам отдых, т. е. и капитал нажить и невинность соблюсти. Он был за границей и видел, как там по праздникам вместо приказчиков торгуют жены и дочери хозяев. Этот обычай можно привить и в России, лишь бы только правила были поскорее отменены и хозяева «пожелали бы торговать сами или поставить своих жен, сыновей и дочерей за прилавок».

Этот Ланин, очевидно, изучал заграничную торговлю в Москве в лимонадных будках и в дешевых колбасных, где действительно торгуют жены и дочери хозяев. Чем ссылаться на заграничные порядки, проще было бы этому г. Ланину заглянуть к себе в завод ланинского шампанского. Хватит ли у него дочерей и сыновей, чтобы заменить ими десятки приказчиков, работающих у него в складе и на заводе? Кого бы он сажал по праздникам за прилавок, если бы был холост или бездетен? И почему это, спрашивается, семейство его должно сидеть за прилавком в то время, когда он сам и его приказчики будут гулять? Что за вздор...

Человек говорит глупости, когда бывает неправ и неумен. Каждый день и каждый час говорится много глупостей и в Москве, и в Нижнем, и в Казани; на всякое чиханье не наздравствуешься, трудно отвечать и на всякую глупость. Но вздор московских Ланиных имеет слишком острый и слишком специфический запах, чтобы можно было оставить их

без внимания. Слишком уж чувствуется та лисица, которая прячется под маскою московского глупца и юродивого, когда он разглагольствует на ярмарках или в заседаниях думы.

Не лицемерие ли, защищая торговлю по праздникам, говорить о церкви? Не лицемерие ли, защищая свой хозяйский карман, называть себя приказчиком и говорить как бы от имени приказчиков? Не лицемерие ли – пугать многомиллионными убытками или антагонизмом приказчиков и хозяев? Не похожи ли эти многомиллионные убытки и приказчичья революция на то «мирное завоевание англичанами Сибири», каким недавно нижегородские политико-экономы пугали воображение министра финансов?

Лондон ведет торговлю по меньшей мере вдесятеро, а может быть, в двадцать и тридцать раз превышающую общий итог торговых оборотов Москвы, а между тем по воскресеньям Лондон не торгует; отдыхают и хозяева, и приказчики.

И к чему говорить о семействе? Ведь этот г. Ланин отлично знает, что после отмены правил не сядут за прилавки ни его жена, ни дочери, а будут торговать всё те же приказчики. И странное дело! Все эти защитники праздничной торговли, желая побить приказчиков их же орудием, стараются придать своим претензиям тоже религиозную подкладку: они говорят, что в праздники гуляющий приказчик будет шататься по трактирам и проч. и этим оскорблять святость праздника.

Какие, подумаешь, святые! Но отчего же они не начинают своих проповедей с четвертой заповеди? Тогда бы приказ-

чикий вопрос с религиозной точки зрения был совершенно ясен и не понадобилось бы публично оскорблять тысячи старых и молодых тружеников обвинениями в развратной жизни, в нерелигиозности и проч. Если уж святошам так хочется связать тесно приказчикий вопрос с этими обвинениями, то надо бы делать это поумнее, потактичнее и кстати бы уж не забывать, что тысячи развратных канареек или кроликов гораздо лучше, чем один благочестивый волк.

ОСКОЛКИ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ

Видеть у себя в доме покойника легче, чем самому помирать. В Москве же наоборот: легче самому помирать, чем покойника в доме у себя видеть. Самый большой ерш, ставший поперек горла, не производит на мои нервы такого сильного, душащего впечатления, какое производят московские похороны (да и вообще все имена существительные, кончающиеся на «ны» и требующие выпивки, не обходятся даром московским нервам). Закапывая своего домочадца, москвич впервые только узнает, как почерствел, застыл и искулачился московский мерзавец, и перестает удивляться тем госпитальным солдафонам и «скубентам», которые мертвецов режут и в то же время колбасу едят... Например.

В 3 – 4 часа пополуночи кончается чья бы то ни было жена. Не успеет она испустить, как следует, последний вздох, как в передней уже слышится звонок и в дверях показывается красный нос гробовщика. Красному носу указывают на все неприличие его раннего прихода. Нос не смущается и замечает: «Самые лучшие-с... На их ростик, глазетовый ежели, на ножках... тридцать пять рублей-с...» Гробовщика гонят, за ним является другой, третий, четвертый... и так до полудня.

В промежутках между гробовщиками вползают читалки – мелкие существа, похожие на черных тараканов и сильно

пахнущие деревянным маслом и еловыми шишками. Откуда они так рано прослышали о смерти и из каких щелей вылезли – бог весть. Без них обойтись как-то неловко, торговаться некогда – приходится волей-неволей соглашаться с их «ценой без запроса».

Далее следуют: ненужная возня в квартале, наем линейек и певчих... покупка могилы – все это грубо, алчно и пьяно, как Держиморда, которому не дали опохмелиться. А потом, когда уже, кажется, все кончено, когда друзья-приятели и не помнящие родства сродственники с сизыми носами съедят традиционную трапезу, пожалует последний визитер, апогей московского мерзавчества, – сваха, предлагающая вдовцу свои услуги...

Вот они где, разрушители эстетики!

Гуси, как известно из басни Крылова, Рим спасли. Наш русский петушок не ударил лицом в грязь и тоже занялся спасением. Спасает он... русский стиль, а в этом стиле, как известно, почти все: и средостение, и основы, и «домой»... Наши московские зодчие народ большею частью молодой и ужасно либеральный. Квасу не пьют, «Руси» не читают, в одежде корчат англоманов, но знать ничего не хотят, кроме петушков. Римскому, готическому и прочим стилям давно уже дано по шапке. Остался один только петушок, которого

вы увидите всюду, где только есть новоиспеченные лимонадные будки, балкончики, фронтончики, виньетки и проч.

Патриотизм в искусстве – хорошая вещь, слова нет, но одно только скверно: отломайте петушков – и нет русского стиля. Было бы резонней и патриотичней, если бы петушки зависели от русского стиля, а не наоборот. В древности и кроме петушков много птиц было.

Как-то на досуге наше губернское земство придумало «страхование скота от чумы». А так как и не бывшим в семинарии известно, что никакое страхование без денег не обходится, то и кликнут был клич мужицкой копейке. Мужик откликнулся, согласился и взнес за каждую скотскую персону около 20 – 60 коп. Всего внесено было имущими скот 60 000 русских рублей! Капитал, как видите, ничего себе...

Можно из него дело сделать. Земство и сделало. Наняло оно прежде всего старшего ветеринарного врача, с четырехтысячным жалованьем, и трех младших, с жалованьем в 1 200 руб. каждому. Нанявши начальство, нужно было нанять и подчиненных, иначе непонятна была бы роль начальства. Наняли и подчиненных – по взводу фельдшеров на каждого доктора. Старший врач как нанялся, так и засел в Москве, в центре, чтобы испускать из себя лучи равномерно на всю губернию. Младшие врачи куда-то попрятались.

Сбором денег и этим наймом земство и ограничило свою функцию по части страхования. Остальное само собою выделялось по следующей юмористической программе: желавший получить страховую премию должен был не позже одних суток уведомить о павшей скотине волость, которая, в свою очередь, не позже трех дней должна была уведомить следующую за ней административную ступень. Эта ступень уведомляла земство. Уведомленное земство в неопределенный срок посылало (циркулярно) на место происшествия гласного и фельдшера, которые должны были констатировать причину смерти: чума или не чума?

Гласный и фельдшер приезжали обыкновенно на 6 – 7 – 8 день, когда по законам материи чумная пададь должна уже невыносимо вонять, а по законам человеческим – гнить глубоко в земле. Фельдшер, не имея перед глазами пациента или видя один только разложившийся труп, авторитетно констатировал не чуму, а «неизвестную болезнь». Он сочинял протокол, гласный благословлял земство, заставившее его прокатиться задаром верст 30 – 40, крестьянин весело чесал затылок, и все оставались довольны: много времени, много бумаги, много езды и более всего толку. Прошел год, была чума, и земство не заплатило ни за одного павшего скота... Оно не заплатило и жалуется на невежество крестьян, обещающих в будущем году не лезть в мышеловку...

А господа ветеринары сидят и ни гу-гу... Им решительно невдомек: за что они получали жалованье? Фельдшера хоть

на пользу науки новую болезнь выдумали и протоколы сочиняли, а они-то что сделали?

Знающих людей в Москве очень мало; их можно по пальцам перечесть, но зато философов, мыслителей и новаторов не оберешься – чертова пропасть... Их так много, и так быстро они плодятся, что не сочтешь их никакими логарифмами, никакими статистиками. Бросишь камень – в философа попадешь; срывается на Кузнецком вывеска – мыслителя убивает.

Философия их чисто московская, топорна, мутна, как Москва-река, белокаменного пошиба и в общем яйца выеденного не стоит. Их не слушают, не читают и знать не хотят. Надоели, претензиозны и до безобразия скучны. Печать игнорирует их, но... увы! печать не всегда тактична.

Один из наших доморощенных мыслителей, некий г. Леонтьев, сочинил сочинение «Новые христиане». В этом глубокомысленном трактате он силится задать Л. Толстому и Достоевскому и, отвергая любовь, вызывает к страху и палке как к истинно русским и христианским идеалам. Вы читаете и чувствуете, что эта топорная, нескладная галиматья написана человеком вдохновенным (москвичи вообще все вдохновенны), но жутким, необразованным, грубым, глубоко прочувствовавшим палку... Что-то животное скво-

зит между строк в этой несчастной брошюрке. Редко кто читал, да и читать незачем этот продукт недомыслия.

Напечатал г. Леонтьев, послал узаконенное число экземпляров и застыл. Он продает, и никто у него не покупает. Так бы и заглохла в достойном бесславии эта галиматья, задохла бы и исчезла, утопая в Лете, если бы не усердие... печати. Первый заговорил о ней В. Соловьев в «Руси». Эта популяризация тем более удивительна, что г. Леонтьев сильно нелюбим «Русью». На философию г. В. Соловьева двумя большими фельетонами откликнулся в «Новостях» г. Лесков...

Нетактично, господа! Зачем давать жить тому, что по вашему же мнению мертворожденно? Теперь г. Леонтьев ломается: бурю поднял! Ах, господа, господа!

Теперь, с вашего позволения, о наших увеселениях. Много писать о них не придется. Один «Эрмитаж» – только. Есть у нас где-то у черта на куличках ренессансы и альгамбры, но они никем не посещаются. Изредка разве забредет в них запоздалый приказчик, да и тот сдуру.

«Эрмитаж» – и больше ничего. Минимальная плата за вход в сад, с правом попотеть в театре, рубль с четвертаком. Деньги немалые, но зато вы увидите и услышите многое. Во-первых, вы увидите оперетку. Во-вторых, увидите дамские

шляпы, заслоняющие собой все эрмитажные солнца. Шляпы эти непрозрачны, и зритель видит, что называется, кукиш с маслом: ни сцены, ни театра, ни публики...

Вы услышите русский хор, тянущий несколько лет подряд одну и ту же русскую канитель, г. Гулевича, именующего себя на афишах в скобках «автором», но тем не менее рассказывающего анекдоты времен Антония и Клеопатры, забеременевшей в 50 г. до новой эры от Юлия Цезаря. Вы увидите гимнастов, ужасно толстого швейцара, фейерверк (раз в неделю) и, на закуску, самого г. Лентовского с его палкой, цыганско-тирольским костюмом и волосатым декольте, напоминающим Навуходоносора в образе зверином.

Если же вам и этого мало на рубль с четвертаком, то вам предоставлено и еще одно удовольствие: поплясать от радости, что вы не дама и что вам не нужно поэтому заглядывать в женскую уборную. Я, не имея чести быть дамой, ни разу не был в уборной, но многое рассказывали про нее супруги и дочери. Там, в уборной, свой буфф. Описывать этот буфф значит дать возможность любителям клубнички лишний раз облизнуться. Действующие лица – рижские и гамбургские гражданки. Они не выходят из уборной ни на минуту. Ни на минуту не умолкают цинические остроты, площадная ругань, жалобы на неудачи с «этими мушшчинами» и проч.



Женихов, женихов и паки женихов!!!

Это не победный крик, не крик восторга, а вопль истерзанной души, вопль с тремя восклицательными знаками, трижды в рукописи подчеркнутый, слезою соответственной орошенный.

Увы и ах – ах и увы!

Зри учебник по истории: издревле Питер славился статскими советниками, Тула самоварами, Вязьма пряниками, Тамбов тетками, Москва невестами... Слава была неизмерима: спрос превышал всякие ожидания. Все спрашивалось и все потреблялось на зависть иностранцам, как ни в одной стране.

Но настали иные времена, всплыли на свет божий иные нравы. Наступил всеобщий застой. Общее понижение спроса и падение курса не коснулись одних только статских советников, пряники же, самовары и невесты стали падать в цене и залеживаться. Не так обидно за пряники и самовары, как за невест. Мужчины точно перебесились или же все оптом обет девства дали: не женятся, хоть ты им кол теши на голове! Их просят, умоляют, кормят обедами, манят приданым, но все тщетно... Процент старых дев все растет и растет...

Каждое лето москвички решаются «еще на один послед-

ний шаг» и читают «еще одно последнее сказанье...» Они едут на дачи. На дачах они постятся «для талии», трепещут перед загаром и ждут. Папеньки терпеливо сыпят деньгой, маменьки просят знакомых представить им «этого молодого человека», молодые люди на правах женихов преисправно съедают даровые обеды и вечернюю простоквашу, дипломатия работает во все лопатки, но... все это тщетно. Женихи себе на уме. Он удит с ней в лужице пескарей, ездит в город с поручениями, невинно амурничает, но не более и не далее. Этак тянется весь май и первую половину июня.

В конце июня и в июле дачницы теряют терпение и делают еще один последний шаг: где-нибудь, в Богородском, примерно, или Сокольничьем кругу они сообща затевают бал. Женские языки быют в набат. Загорается подписка. Как из-под земли вырастают распорядители бала (пламенные блондины с цветками в петличках – большей частью братцы невест) с предложением купить билетик. Собирается сумма, нанимается оркестр – и бал готов... Но и это оказывается тщетным... Балы посещаются одними только гимназистами-подростками да младшими чиновниками межевой канцелярии. Гимnazисты и межевые чиновники милые люди, но все-таки обидно.

Говоря по совести, женихам не следовало бы вилять и ломаться. Где нет браков, говорит наука, там нет населения. Это надо помнить. У нас еще Сибирь не заселена.



Не будь мы проповедниками морали, мы, пожалуй, не стояли бы так за женитьбу. Для себя, по крайней мере... Дело тяжелое и трудное во всех пунктах. Это я, холостяк, узнал только на днях. Некому г. А—ву, холостяку, удалось денька два-три побыть женатым, не женись и не видя жены, и вкусить все сладости семейной жизни. Точно во сне или под влиянием опия.

Я не брежу, а говорю сущую правду. Г. А—в получил через судебного пристава московского окружного суда повестку и копию с прошения, в котором некая г-жа А—ва, его однофамилица, называя его супругом, требует от него паспорт и ежемесячное содержание. По прочтении прошения г. А—ва взяла оторопь: за что? как? Никогда не был женат и вдруг подавай ежемесячное содержание!...

Написал он жесупруге письмо и полетел по всем присутственным местам. Летал три дня и три ночи, пока не узнал, что был принят за своего однофамильца. Дело объяснилось ошибкой судебного пристава, которому впредь советуем не ошибаться. Ушло много времени, потрачено много беготни и многое множество денег на извозчика. Г. А—в лежит теперь на диване, дрожит и охает. Он не успел еще прийти в себя. Ну, а что было бы с ним, если бы он был женат не три дня, а тысячу дней, да еще взаправду?



Всему бывает конец, хорошему и дурному. Пришел конец и нашему Пушкинскому театру... и какой конец! Он сдан под кафе-шантан каким-то петербургским французам. Скоро приказчики из Ножевой, отставные прапоры из Дьяковки и француженки из Гамбурга запляшут в нем канкан, и околоточный надзиратель начнет уверять:

– Господин, здесь не место! На это соответственные места есть!

Пушкинский театр родной папаша теперешнему Русскому театру. Сквозь чистилище его в самое короткое время прошли все артисты, наиболее любимые Москвой (за исключением казенных, которых уже надоело любить). Артисты перессорились и разбрелись, но добрая слава осталась за театром... Он носит имя Пушкина... И вдруг кафе-шантан!

Лермонтов сказал, что «храм оставленный – все храм». Он не предусмотрел случаев превращения храмов в кабаки, иначе он не сказал бы так.

Нужно будет кому-нибудь на досуге догадаться снять с этого театра имя Пушкина. Не так, по крайней мере, совестно будет...



Москвичи совершенно забыли, что у них есть Зоологический сад. Есть ли у них звери или нет у них зверей, для них решительно все равно. Что это такое: равнодушие ли к вопросам науки или же отсутствие вкуса? Оставляем этот вопрос без ответа... Будь москвичи за границей, их водили бы на веревочке в этот сад, что, вероятно, и будет делать наша полиция, когда введется обязательное и насильственное образование. За все лето ни одного посетителя!

Оправдываются люди тем, что в саду, мол, все зверье от голода передохло. Это резонно, но только отчасти. Передохло, но не все... Нет слонов, тигров, львов, хамелеонов, но зато есть прекрасные экземпляры мелких животных. Есть желтая собачонка, принадлежащая кустодиям. Есть блохи, которых на досуге ловят жены сторожей. Есть мухи, воробьи, пауки, инфузории...

Чего же вам еще нужно? Посмотрите-ка в микроскоп на муху или блоху! Сколько интересного, нового!

Наконец, скоро прибудет в сад еще новый, давно уже не виданный зверь... Этот зверь – холера. За прибытие его ручается та страшнейшая, зловоннейшая вонь, которая ни на секунду не расстается с садом... Так воняет, что просто хоть топор вешай! А холера интересный зверь – египетский...



Вниманию Фемиды и ее просвещенных жрецов.

Некто г. С—в, московский обыватель, купил у цветочницы, г-жи К—вой, билет внутреннего с выигрышами займа и вскоре после покупки заложил его в конторе Юнкера. 1-го января сего года на этот билет пал выигрыш в 40 000 руб. С—в обрадовался сорока тысячам, как сорок тысяч братьев, взятых вместе, но скоро лицо его приняло крайне грустное выражение. Цветочница, пронюхав, что на проданный ею билет пал выигрыш, отправилась к судебному следователю и взвела на г. С—ва небывальщину, якобы совершенную им при покупке билета. Билет признали спорным и наложили на него арест...

Баба может дурить, сколько ей угодно, на то она и баба, но при чем тут несчастный г. С—в? Дело об его билете тянется от января и до сегодня; оно заглохло и засохло... Если г. С—в в самом деле виноват, то на цугундер его! Если же он уголовщины не совершил, то к чему эта семимесячная проволочка? Что-то да не так...

Цветочница подсылает теперь к г. С—ву разных особ с предложением окончить миром и отвязаться от нее при помощи известной суммы. Не подсылала ли она разных особ и еще куда-нибудь? Гм... Что-то да не так...

Пока г. судебный следователь объяснит, в чем тут дело,

не мешало бы занести эту судейскую белиберду в протокол. Будь я прокурор, я сделал бы это немедленно... Кунктаторство прилично полководцам, но никак не судейцам...

Еще о бабе, гг. юристы. Действие происходило в одном из московских уездов. Некая П—ая, сотрудница одного петербургского журнала, взяла взаймы у казначея С—го монастыря 35 р. и не отдала их. Неотдачу свою она мотивировала перед судом тем, что монахи, по закону, не имеют права брать и давать векселя. Хороша литераторша! Монах, сделавший одолжение, остался с носом. Он по приказанию своего начальства прекратил иск.

Женский род от слова «жулик» будет, кажется, жулябия...

Природа надула москвичей с развязностью карточного шулера. С нею нужно поступить по всей строгости законов и хоть этим загладить нанесенную нам обиду. Мы переехали с дач на зимние квартиры и жалеем, что переехали. Солнце, оказывается, повернуло не к зиме, а обратно к лету, чего не предвидели в своих календарях ни ваш Суворин, ни наш господин Гатцук. Вместо хмурых осенних туч, вместо хля-

бей небесных мы имеем голубое прозрачное небо, на котором вы не увидите ни одного облачка. Тепло, как в мае. Даже спать на дворе можно.

Глядишь на погоду и чувствуешь себя в положении человека, которого вместо того, чтобы сослать в Архангельскую губернию, препроводили по ошибке в Ниццу. Хочется дышать, любить, страдать; на дачах, говорят, рай земной, а мы живем чёрт знает в какой пыли и вони.

До чего мерзок московский воздух, свидетельствует следующий правдивый анекдот. Один мясник, открывая утром свою лавку, покрутил носом и сказал своим молодцам:

– Ну, братцы, это не воздух, а атмосфера!

Это изрек охотнорядский мясник, человек невежественный, не могущий похвалиться острым обонянием!

Природа не надула одного только профессора Захарьина. Этот сам надул природу. Где-то около Химок на свои классические сторублевки он приобрел местечко, которое в климатическом, этнографическом и во многих других отношениях ничем не уступает Каиру. Изохимены и изотеры, проходящие через Каир, проходят и через захарьинскую дачу. Растут у профессора финики, в кучерах служат у него бедуины, в окна сквозят пассаты и самумы. Чудны дела твои, господи! Выезжает из дачи профессор не ранее конца октября, по пороше, попирая каучуковыми ободьями своей ученой колымаги волчьи и заячьи следы... Хорошо быть ученым миллионером! Чертовски хорошо!



Березовые прутья будут продаваться на Сенной площади, Страстном бульваре, в Пассаже и под Сухаревкой. Так постановила дума на одном из своих последних заседаний. Продавцы прутьев освобождаются от всех повинностей. Ходят также слухи, что на березу будет наложен акциз, но это неправда. Юношество на этот счет может быть совершенно спокойно.

Уже есть один кандидат на порку. Этот кандидат – юноша-гимназист. Объект, как видите, самый подходящий. А за что его пороть, тому следуют пункты. Он и еще один молодой человек, которого тоже следует высечь, сели около Твери на поезд и поехали в Москву. Как любители комфорта, они сели в вагон II класса, не имея же денег и билетов, они укрылись от глаз кондукторских в кабинете задумчивости.

Это бы еще ничего. Я знаю одного поэта-лирика, который всегда таким образом в Харьков ездит. Но то скверно, что гимназист и его спутник не выходили из кабинета в продолжение всего пути, чем приводили пассажиров и пассажирок в весьма понятное отчаяние. Стучали им пассажиры, стучал кондуктор, стучали начальники станций, но ни до чего не достучались. Мысль о самоубийстве была тут как тут. Выломали жандармы дверь – и руками развели. Любители дешевого проезда были живы.

Как вы смеете беспокоить ваших пассажиров? – вспылil юноша-классик, когда попросили его выйти из непристойного места.

Каков шмерц? Из-за него дверь выломали, а он еще в амбицию вламывается. На «просьбу» выйти из кабинета гимназист и его спутник ответили полным отказом. Принуждены были вынести их на руках.

Ну, не сечь ли после этого? Непременно высечь и приказать, во-первых, все неправильные глаголы выучить, а во-вторых, извлечь корень – $2/3$ степени из самой длинной периодической дроби.



А.П. Чехов в юности.

Антон Павлович Чехов родился 17 (29) января 1860 года в Таганроге в семье владельца бакалейной лавки. Антон Чехов был третьим ребенком в семье, в которой было шесть детей: пять сыновей и одна дочь. Отец, Павел Егорович, часто применял телесные наказания к детям, заставлял их после школы сторожить лавку, а в 5 часов утра каждый день – петь в церковном хоре. Как говорил сам Чехов: «В детстве у меня не было детства». В 1876 году отец Чехова разорился, за долги распродал имущество в Таганроге, включая дом, и уехал в Москву, спасаясь от кредиторов. Антон остался без средств к существованию и зарабатывал на жизнь частными уроками. В 1879 году он окончил гимназию в Таганроге, переехал в Москву и поступил на медицинский факультет Московского университета.

Рок всегда действует по пословице «клин клином вышибай», хотя он и не пьяница. Злодейство лечит он злодейством, потоп потопом. Напрасно наши барышники не читают Жуковского. У него есть интересная история о том, как одного епископа за кулачество и жестокосердие крысы съели. Нечто подобное творится и в Москве, на наших глазах. Утопает винный магазин бр. Елисеевых. Вода выступает из

засоренных, испорченных, ни к черту не годных водосточных труб и волею судеб затопляет не всю Москву, а один только елисеевский магазин, что на Кузнецком.

В магазине день и ночь работает водокачная машина, приказчики собирают воду в бутылки, но рок неумолим, как судебный пристав. Вода растет все выше и выше, и скоро настанет тот час, когда в магазине утонет даже потолок. И поделом. «Не пой людей водицей, самому придется напиться», — говорит русская пословица. Вода сильно сердита на бр. Елисеевых, и сердита из патриотизма. Не раз упомянутые братья чистокровную русскую воду выдавали за иностранщину.

Трубы починяются. Это видно из того, что по Кузнецкому нельзя ни проехать, ни пройти. Починяют целое лето; в сотый раз повторяется история Красных ворот и шпица на Среденской каланче, которые починялись до тех пор, пока Родон не воспел их в «Боккаччио».

Кстати еще о воде. Не будь разбойник Чуркин разбойником, он наверное был бы московским водовозом. С этим, вероятно, согласится и Н. И. Пастухов, обличающий неукоснительно по субботам именитого душегуба.

Московский водовоз в высшей степени интересная шельма. Он, во-первых, полон чувства собственного достоинства, точно сознает, что возит в своей бочке стихию. Луна не име-

ет жителей только потому, что на ней нет воды. Это понимает он, наш водовоз, и чувствует.

Во-вторых, он никого не боится: ни вас, ни мирового, ни квартального. Если вас произведут в генералы, то и тогда он не убоится вас. Если он не привезет вам воды и заставит вас пройти за стаканом воды в трактир, вы не можете протестовать. Жаловаться негде и некому – так дело обставлено. Приходится очень часто сидеть без воды по три-четыре дня, а ежедневно выслушиваешь жалобы супруги на то, что «мерзавец Спиридон» слил вместо условленных десяти ведер только пять.

Недоплатить Спиридону нельзя: разорется на всю кухню и осрамит на весь дом. Прогнать его и нанять другого водовоза тоже нельзя. Дворник на это не согласен. Подкупленный блюститель не пустит нового водовоза в вашу квартиру, да и сам новый водовоз ни за что не согласится отбить хлеб у «собрата по перу»: около «хвантала» водовозы отколотят его за измену – таков устав у них.

При таких уставах остается только удивляться, как это до сих пор в Москве не нашлось такого ловкого человека, который сочинил бы водовозную монополию, что-нибудь вроде водовозной артели? При описанных порядках миллион нажить – раз плюнуть...

ФОКУСНИКИ

В Москве появилась небольшая брошюрка проф. Тимирязева – «Пародия науки». Статья, составляющая ее содержание, имеет размеры обыкновенной журнальной заметки, и потому для многих читателей Тимирязева кажется странным, почему он не напечатал ее в «Русской мысли» или в «Русских ведомостях», сотрудником которых он давно уже состоит. Ведь «Русская мысль» и «Русские ведомости» так любят науку! Впрочем, не в них дело.

Брошюрка г. Тимирязева особенно интересна тем, во-первых, что он московский профессор и известный ученый, и, во-вторых, тем, что в этой брошюрке он старается доказать, что дирекция Московского Зоологического сада, во главе которой стоит тоже московский профессор и тоже известный ученый, занимается шарлатанством! Шутка сказать!

При Московском Зоологическом саде открыта ботаническая станция. Г. Тимирязев, как известно, ботаник и читает в университете «физиологию растений». Вновь открытая станция близко касается его специальности, и он, как главарь московских ботаников, считает себя обязанным высказать о ней свое мнение. И он не стесняется. Рассказав, что такое представляет из себя вновь открытая «ботаническая опытная станция», он резюмирует свою оценку так: «Можно сказать, что, начиная с оскорбляющей обоняние своими ам-

миачными испарениями, всем знакомой атмосферы Зоологического сада, выбора места под навесом деревьев, убогого, случайного, во всех отношениях непригодного помещения, жалкого числа опытов и кончая мельчайшими подробностями их неряшливого исполнения, – все здесь служит образцом того, как не поступают и как нельзя поступать при такого рода исследованиях» (стр. 9).

А дальше: «Если дирекция Зоологического сада имеет смелость публично называть свою жалкую затею „ботанической опытной станцией“, то знающие свое дело ботаники нравственно обязаны сказать той же публике: не верьте, это недостойная пародия, свидетельствующая о прискорбном неуважении к науке и публике» (стр. 14).

Итак, значит, станция, открытая учеными мужами «для строго научного исследования по строго научным методам», является жалкой затеей, недостойной пародией и неуважением к науке и публике. Это нехорошо пахнет. Но, быть может, спросит читатель, учредители станции не имели в виду производства ученых исследований, а скромно задавались только популяризацией физиологии растений? Г. Тимирязев, очевидно, предвидел этот вопрос и отвечает на него так: «Популяризатор имеет право выступать перед публикой во всеоружии настоящей науки, показывая этой публике завоевания науки, добытые талантом и трудом в тиши настоящих лабораторий и кабинетов. А выходить на улицу, публично производить пародии научных исследований, в каких-то па-

родиях лабораторий, в невозможной обстановке, не имеющей ничего общего с действительной обстановкой научного труда, да еще в неряшливой форме, значит сознательно подрывать значение науки» (стр. 12).

Если же ботаническая станция, открытая зоологами, не имеет смысла ни для ученых, в которых, по заявлению автора, может вызвать только справедливое негодование, ни для учащихся, для которых может служить разве образцом того, как не следует относиться к науке, ни, наконец, для публики, потому что представляет собою новый тип не опытной, а потешной станции, – то какой же смысл имеет учреждение этой фитобиологической станции в Московском Зоологическом саду?

Г. Тимирязев так отвечает на этот вопрос: «Результаты искусственных культур», которыми занимаются на станции, «очень эффектны, они могут производить впечатление даже на профана, – так не воспользоваться ли этими дешевыми научными фокусами для поднятия себя в глазах публики? Наука нашего времени творит чудеса, почему бы не найтись и современным Симонам-волхвам, готовым за недорогую цену приобрести возможность показывать эти чудеса. В самом деле, стоит достать из аптеки несколько фунтов солей, растворить в воде, разлить в банки, сунуть по семени, и фокус готов. Но рассуждающие таким образом забывают, что эти фокусы – плоды таланта и труда поколений ученых и что даже для удачного их повторения, кроме солей, нужно еще

знание, умение и добросовестный труд – всё продукты, которых из аптек, даже за деньги, не отпускают» (стр. 14).

Г. Тимирязев в своей брошюре ни разу не употребляет слова «шарлатан», но, как видите, он обвиняет ученую дирекцию в настоящем шарлатанстве. В лабораториях сада сидят Симоны-волхвы, которым выгодно не уважать науку и морочить публику. Но не хватает ли через край г. Тимирязев? Не проще ли было бы, думали мы, прочитав его брошюрку, объяснить промахи дирекции не шарлатанством, а склонностью вообще русского человека братья не за свое дело? На Руси не редкость, что сапоги тачает пирожник, а пироги печет сапожник, иначе бы Крылов не написал своей басни. Ведь случалось же у нас, что учебными округами управляли врачи и бывшие прокуроры, в окружных судах председательствовали естественники и ботанику в университетах читали словесники. Мы думали так: если зоологи промахнулись на ботанике, то что за беда? Почитатели их могут утешиться на зоологии...

И мы, чтоб утешиться, поспешили совершить экскурсию в область зоологии... Но, ах, какой вид!

Здесь мы прежде всего сталкиваемся с странным отношением московской публики к своему ученому саду. Она иначе не называет его, как «кладбищем животных». Воняет, животныедохнут с голода, дирекция отдает своих волков за деньги на волчьи садки, зимою холодно, а летом по ночам гремит музыка, трещат ракеты, шумят пьяные и мешают

спать зверям, которые еще не околели с голода...

Почему это так? – спрашиваем дирекцию. Что общего между волчьими садками и наукой или между ракетами и самим г. Богдановым? В ответ дирекция настойчиво уверяет, что бедная обстановка сада, жалкий и случайный состав его животных, мизерность и неряшливость их содержания – это одно, а «научная» и «ученая» деятельность стоящего во главе сада кружка зоологов – это другое. Если первое не выдерживает критики «вследствие недостаточного внимания публики к делу зоологов», как говорят зоологи в годичных заседаниях своего Общества акклиматизации, то второе неустанно идет все вперед и вперед. Ладно. В чем же, спрашиваем, состоит собственно ученая зоологическая деятельность сада?

Нам отвечают: она может состоять, во-первых, в решении вопросов сравнительной анатомии и морфологии, с каковыми целями сады, имеющие для этого достаточные средства, организуют свои лаборатории; во-вторых, в непрерывных биологических наблюдениях над животными, для чего ведутся подневные записки – Дневники сада, а накапливающийся в них материал время от времени подвергается обработке и публикуется; в-третьих, наконец, в устройстве выставок, которые имеют целью наглядно ознакомить публику с успехами скотоводства, птицеводства и акклиматизации.

Прекрасно. Идем по саду искать лабораторию. Так как она предназначена «для строго научных исследований по стро-

го научным методам», то мы, конечно, найдем прежде всего хорошее помещение, достаточно обширное для того, чтобы соответствовать широте и сложности своих задач, и обставленное необходимыми специальными приспособлениями; затем мы найдем, конечно, персонал специально сведущих лиц, хорошо составленную библиотеку, пособия и, наконец, соответствующие инструменты. Только при наличии всех этих условий лаборатория сада имеет право на такое название. Так именно и смотрят на это дело руководители садов за границей. Они или вовсе отказываются от предприятия, если оно не под силу для их кармана, и, если представляется случай, просто жертвуют имеющийся у них материал соответствующим учреждениям, как, например, Гамбургский зоологический сад – Гамбургскому музею, или же обладают такими первоклассными учреждениями, как сравнительно-анатомический музей Jardin des plantes в Париже.

Но напрасно мы ходим по саду и ищем лабораторию. Нам говорят, что она «пока» закрыта. Когда нет курицы, то едят один только бульон; если нет лаборатории, то пусть хотя расскажут нам ее историю. И нам рассказывают, что открытие ее совершалось с большою торжественностью, что предшествовали ему многочисленные публичные заседания, говорились блестящие речи, печатались длинные статьи и проч., и проч., и проч.

В торжественный день открытия был молебен, обед, тосты, благодарности, телеграммы, шампанское... Музыка иг-

рает, штандарт скачет... В сладкой полудреме после шампанского мерещились уже слава, членство в академии, Почетный Легион и всякие Орлы, Леопольды, Стефаны, Лазари и Полярные Звезды...

Будущие академики и кавалеры составили из себя «комиссию уполномоченных», и эта комиссия выработала программу, по которой занятия лаборатории Зоологического сада должны были состоять в следующем: 1) во вскрытии умерших животных и в приготовлении из них препаратов для Зоологического музея Московского университета; 2) в приготовлении материала для микроскопических работ и в изготовлении микроскопических препаратов преимущественно по паразитам, находимым в павших в саду животных; 3) в определении животных, поступающих как в Зоологический сад, так и непосредственно в лабораторию; 4) в устройстве террариумов и аквариумов как для целей сада в популяризационном отношении, так и для учебных целей Зоологического музея университета и работ Общества акклиматизации; 5) в экскурсиях для получения животных, необходимых и желательных для террариумов и аквариумов, и в производстве над ними наблюдений с целью составления докладов для обществ акклиматизации и любителей естествознания, и 6) в организации и устройстве библиотеки из специальных сочинений, необходимой для учено-практических занятий в саду и лаборатории.

Что значит «производство наблюдений с целью составле-

ния докладов»? Впрочем, оставим в стороне невинные курьезы этой программы и спросим, что же на самом деле представляла из себя открытая дирекцией лаборатория и чем располагала она для выполнения ее многосторонних, намеченных программой задач? В чем и где плоды ее деятельности? И кто ее «пока» закрыл и почему?..

Нам говорят, что ответ на это мы можем получить из первого (кстати сказать, единственного) тома «Ученых трудов Общества акклиматизации», изданного под редакцией проф. Богданова. Мы с большим трудом достаем этот очень толстый, объемистый первый том, еще с большим трудом прочитываем его и узнаем, что возродилась лаборатория в начале 1878 г., а «пока» закрыта она в конце 1884 г. Отчет за 1880 год краток. Заключается отчет в том, что, по заявлению секретаря на годичном собрании Общества, лаборатория вообще составляла коллекцию органов животных и определяла причины смерти некоторых павших животных.

Что же касается помещения лаборатории, то, по отзывам очевидцев, в 1885 г. она представляла из себя нечто похожее на кладовую Плюшкина. Это был склад всякого хлама: дрова, посуда с водой, старые поломанные клетки, негодные к употреблению аквариум и террариум; там и сям между этим хламом, в ящиках или просто на полу в кучах, лежали перемешанные между собою кости разных животных, битая посуда, старые калоши, рваные отчеты, а на двух полках в углу стояли запыленные банки с препаратами, начинавшими

гнить, так как спирт испарялся...

Эти кости и эти гнилые препараты вместе со старыми калошами и битой посудой составляют собственно весь результат ученой деятельности лаборатории. Мы говорим – весь результат, потому что за все время своего семилетнего существования лаборатория не дала не только ни одной ученой работы, но даже ни одной заметки, если, впрочем, не считать заявления о неудачных опытах заразить собаку риштой.

Обратимся теперь ко второму роду деятельности Зоологического сада – к его «Дневнику». Как известно, во многих зоологических садах Европы ведутся дневники, они несомненно полезны, и печатание их обставлено непременно условиями, чтобы, во-первых, факты заносились в них в систематической непрерывности и в возможно законченном виде и чтобы, во-вторых, заносимые в дневник факты и наблюдения имели определенную цель и назначение, вытекающие из научных или хозяйственных интересов сада. Какие же факты и наблюдения нашли место в «Дневнике» нашего Зоологического сада? Перелистываем все тот же первый том, где напечатан «Дневник», и читаем следующее

Факты:

17-го сентября 1878 года. Дразнил зверей молодой человек.

17-го сентября. Дразнили зверей трое пьяных.

1-го октября. Дразнили зверей посетители.

8-го октября. Дразнил зверей офицер.

15-го октября. Дразнил зверей кадет.

17-го октября. Дразнил зверей посетитель в чуйке.

6-го декабря. Дразнила зверей публика.

4-го марта 1879 года. Дразнил зверей господин в поддевке.

8-го марта. Дразнил зверей посетитель с дамой.

Не правда ли, научно? Господин в поддевке, кадет и посетитель с дамой дразнили зверей, а отсюда вывод: не дразните зверей, ибо этим вы только дразните ученых, а ученые пишут глупости. Но читайте дальше:

Наблюдения января 1879 года. Беспокоили зверей: двое, ухватившись за рога оленя, старались повиснуть на них; трое много шумели.

2-го февраля. Праздник. Дразнили (опять!) животных: тура – за рога, куланов и зебра – за морду, зайцев тыкали руками.

4-го. Воскресенье. Народу много; дразнили (ну конечно!) животных по обыкновению.

12-го. Господин с компанией произвел в саду скандал. (А ученые протокол составили, что ли?)

Марта 4-го. Публика дразнила животных, в особенности господин в поддевке.

Далее какой-то господин «тыкал» тростью сову, офицеры

«тыкали» зверей шашками. Затем следуют не менее интересные наблюдения над господином в поддевке, юнкером в мундире, дамой в шляпе, солдатом в фуражке. А вот случаи:

24-го декабря 1878 года. Ночной сторож привел в контору неизвестного, заподозренного в чем-то, что не оправдалось (?).

Января 7-го 1879 года. Один офицер находил (и очень резонно), что медвежонку дают мало корму.

8-го. Одна госпожа предлагала купить для зверей тухлых гусей.

11-го. Господин в собольей шубе бодался с козлом через перегородку.

Открытие: у господина в собольей шубе рога! Но далее:

Января 26-го. Ночью кто-то из однокопытных кашлял; за темнотою нельзя, было разобрать, кто.

Октября 13-го. Офицер с женою (!) и дочерью был в отделе аквариев; дочь уронила палку и перебила аквариум. Служитель просил или подождать, или пожаловать в контору, но офицер, пригрозив служителю дать в рожу, ушел.

Июня 4-го. Посетитель с семейством нарвал цветов; остановленный у кассы, выругал его (кого его?).

И так далее. Кроме этих наблюдений насчет господина в собольей шубе с рогами и офицера, с которым была жена, а не любовница, и скандалов, ежедневно происходящих в мирном уголке науки, в «Дневнике» нет ровно ничего. В описаниях скандалов есть хоть пикантные подробности насчет ро-

жи и цветов, которые посетитель нарвал, очевидно, для дамы; что же касается тех записей, которые относятся к кашляющим однокопытным и околевающим жвачным, то тут «за темнотою нельзя было разобрать» и лаконизм поразительный.

Просто хоть не читай.

Сентября 21-го. Захворал слон.

Сентября 22-го, 23-го, 24-го и т. д. он продолжал болеть.

Сентября 28-го. Выздоровел.

И только. Чем был болен слон? Какие были симптомы его болезни? Чем лечили? Об этом ни слова, а вот насчет того, что «одна компания сильно наскандалила в кассе», а другая компания ругалась и говорила: «глупо, что сдачи нет и нет контрамарок» – об этом сведения самые подробные. Очевидно, ругающаяся компания возбуждает в московских зоологах гораздо больший интерес, чем кашляющий однокопытный или больной слон. 27-го – пал кулан. Чем он был болен? Чем лечили? Не сказано.

26-го ноября захворал як. 27-го – пал. Чем захворал? Чем лечили? Ответа нет. Не бодался ли с этим яком господин в собольей шубе?..

«ГОВОРИЛЬНИ» И ОРАТОРЫ

В Московском университете с конца прошлого года преподается студентам декламация, то есть искусство говорить красиво и выразительно. Нельзя не порадоваться этому прекрасному нововведению. Мы, русские люди, любим поговорить и послушать, но ораторское искусство у нас в совершенном загоне. В земских и дворянских собраниях, ученых заседаниях, на парадных обедах и ужинах мы застенчиво молчим или же говорим вяло, беззвучно, тускло, «уткнув брады», не зная куда девать руки; нам говорят слово, а мы в ответ — десять, потому что не умеем говорить коротко и не знакомы с той грацией речи, когда при наименьшей затрате сил достигается известный эффект.

У нас много присяжных поверенных, прокуроров, профессоров, проповедников, в которых по существу их профессий должно бы предполагать ораторскую жилку, у нас много учреждений, которые называются «говорильнями», потому что в них по обязанностям службы много и долго говорят, но у нас совсем нет людей, умеющих выражать свои мысли ясно, коротко и просто. В обеих столицах насчитывают всего-навсего настоящих ораторов пять-шесть, а о провинциальных златоустах что-то не слыхать.

На кафедрах у нас сидят заики и шептуны, которых можно слушать и понимать, только приспособившись к ним, на

литературных вечерах дозволяется читать даже очень плохо, так как публика давно уже привыкла к этому, и когда читает свои стихи какой-нибудь поэт, то она не слушает, а только смотрит.

Ходит анекдот про некоего капитана, который будто бы, когда его товарища опускали в могилу, собирался прочесть длинную речь, но выговорил «будь здоров!», крикнул – и больше ничего не сказал. Нечто подобное рассказывают про почтенного В. В. Стасова, который несколько лет назад в Клубе художников, желая прочесть лекцию, минут пять изображал из себя молчаливую, смущенную статую; постоял на эстраде, помялся, да с тем и ушел, не сказав ни одного слова. А сколько анекдотов можно было бы рассказать про адвокатов, вызывавших своим косноязычием смех даже у подсудимого, про жрецов науки, которые «изводили» своих слушателей и в конце концов возбуждали к науке полнейшее отвращение.

Мы люди бесстрастные, скучные; в наших жилах давно уже запеклась кровь от скуки. Мы не гоняемся за наслаждениями и не ищем их, и нас поэтому нисколько не тревожит, что мы, равнодушные к ораторскому искусству, лишаем себя одного из высших и благороднейших наслаждений, доступных человеку. Но если не хочется наслаждаться, то по крайней мере не мешало бы вспомнить, что во все времена богатство языка и ораторское искусство шли рядом. В обществе, где презирается истинное красноречие, царят риторика, хан-

жество слова или пошлое краснобайство. И в древности, и в новейшее время ораторство было одним из сильнейших рычагов культуры. Немыслимо, чтобы проповедник новой религии не был в то же время и увлекательным оратором.

Все лучшие государственные люди в эпоху процветания государств, лучшие философы, поэты, реформаторы были в то же время и лучшими ораторами. «Цветами» красноречия был усыпан путь ко всякой карьере, и искусство говорить считалось обязательным. Быть может, и мы когда-нибудь дождемся, что наши юристы, профессора и вообще должностные лица, обязанные по службе говорить не только учено, но и вразумительно и красиво, не станут оправдываться тем, что они «не умеют» говорить.

В сущности ведь для интеллигентного человека дурно говорить должно бы считаться таким же неприличием, как не уметь читать и писать, и в деле образования и воспитания — обучение красноречию следовало бы считать неизбежным.

АФЕРИСТЫ

(Дело Рыкова)

24 ноября. Двенадцатый час...

Публика молчаливо ждет, но ожидание это не томительно, потому что все внимание сосредоточено на прелестях заново отремонтированной Екатерининской залы. В отношении пространства, света, воздуха и шика эта зала не оставляет желать ничего лучшего.

Газетчикам ужасно холодно. Столы их расположены между холодными колоннами, как раз перед окнами, откуда несет холодом, как из погреба. Слышны остроты насчет холодных, не столь отдаленных мест и жалобы на нелюбезность... зимы, заставившей мерзнуть ни в чем не повинных людей. Газетчики синеют... Немудрено, если к завтраму половина из них заболит ревматизмом и крапивной лихорадкой.

Ниже судейского стола — площадка с длинным столом для защиты, стол для вещественных доказательств и подкова для свидетелей. Тут вы видите людей, речи которых будут переводиться через тысячи лет, как мы переводим теперь Демосфенов и Цицеронов. Гражданский истец Ф. Н. Плевако сидит отдельно, за особым пюпитром, и сурово поглядывает на публику...

На столе вещественных доказательств целая «скопинская

библиотека»... Если во всем Скопине наберется столько же книг, сколько на этом столе, то за скопинцев можно порадоваться: цивилизация их в шляпе.

Публики, сверх ожидания, мало. Выдано 500 билетов, а между тем занято не более 300 мест... Дам в пять раз больше мужчин. Бухгалтерии дамы не знают и дела, конечно, не поймут, но они пришли не понимать, а созерцать... Их бинокли бегают по лицам, как испуганные мыши...

– Палата идет! – слышится возглас судебного пристава.

Адвокаты, секретари и корреспонденты торопливо занимают свои места... Публика поднимается...

Дверь снова отворяется, и в залу входят двадцать человек, которые после минутной толкотни и замешательства занимают места за белой решеткой. Самому старшему из них 72 года, самому младшему – 29. Один из них, Барабанов, слеп, что, впрочем, не мешало ему быть во дни Рыкова членом ревизионной комиссии. (То-то, небось, рад был, что не видел!)

– Подсудимые, кто из вас Иван Гаврилов Рыков?

Из-за решетки поднимается толстый, приземистый мужчина с короткой шеей и огромной лысиной. Ему 55 лет, но тюрьма дала его лицу и волосам лишних лет 5 – 10: на вид он старше. Большое, упитанное тело его облечено в просторную арестантскую куртку и широкие, безобразные панталоны. Он бледен и смущен, до того смущен, что, прежде чем ответить на вопрос председателя, делает несколько прерывистых вдохов. Его маленькие, почти китайские глаза, уто-

нувшие в морщинах, пугливо бегают по зеленому сукну судейского стола.

Этот «Иван Гаврилов», одетый в грубое сукно, возбуждающий на первых порах одно только сожаление, вкусил когда-то сладость миллионного наследства. Разбросав широкой ручищей этот миллион, он нажил новый... Ел раки-борделез, пил настоящее бургонское, ездил в каретах. Одевался по последней моде, глядел властно, ни перед кем не ломал шапки.

Трудно теперь землякам узнать этого эпикурейца-фрачника в его новом костюме.

Присяжные всплошную состоят из купцов, мещан и цеховых. По приведении их к присяге делается перерыв до шести часов, а после перерыва начинается монотонное чтение длиннейшего в мире обвинительного акта. Акт этот изображает из себя толстую книгу, содержащую 9 000 газетных строк! Цифр в нем больше, чем букв.

25 ноября. Второй день

По прочтении обвинительного акта, замучившего двух крепкогрудых секретарей, подсудимым предлагается общий вопрос о виновности.

– Признаю себя виновным только по отношению к некоторым пунктам, – отвечает Рыков, – в остальном же прочем не виновен.

Его collega № 1, сосед по скамье, «товарищ директора»

Руднев, высокий, плечистый плебей с бледной, ничего не выражающей физиономией, виновным себя не признает.

– Не признаю-с!

Прочие подсудимые дают тот же ответ. И видно, что этот ответ давно уже приготовлен, заучен, но не обдуман... Говорится он на авось и наотмашь...

– Вы, подсудимый, подписывались бухгалтером банка, хотя им никогда и не были... и все-таки не признаете себя виновным?

– Подписывался, но не признаю-с...

По приведении к присяге пестрой толпы свидетелей суд находит нужным прочесть несколько документов. Содержание их приблизительно следующее.

Скопинский банк произошел из ничего. В 1857 г. собрались скопинцы и порешили иметь свой собственный банк. Получив разрешение, они внесли все свои наличные в размере 10 103 р. 86 к. и назвали их «основным капиталом». Цыпленок разрастается в большого, горластого петуха, но никто не мог думать, что из этой грошовой суммы вырастут со временем миллионы! Цели банка предполагались розовые! треть доходов в пользу родного Скопина, треть на дела благотворения и треть на приращение к основному капиталу. Задавшись такими целями и положив в кассу основной капитал, скопинцы занялись операциями.

На первых же порах начинается жульничество. Видя, что вкладчики и векселедатели не идут, банковцы пускаются на

американские штуки. Они дают проценты, которые и не снились нашим мудрецам: от 6 до 7 с половиною процентов. За сим следует шестиэтажная реклама, обошедшая все газеты и журналы, начиная со столичных и кончая иркутскими. Особенно тщательно облюбовываются духовные органы. Реклама делает свое дело. Сумма вкладов вырастает до 11 618 079 рублей!

С этими вкладами производятся фокусы... Сеансы многочисленны и продолжительны. Самый красивый фокус проделывает подсудимый Илья Краснопевцев... Этот скопинский нищий, не имеющий за душой ни гроша, подает вдруг в банк объявление о вносе им вкладов на 2 516 378 руб. и через два-три дня получает из банка эту сумму чистыми денежками, но ими не пользуется, ибо объявление делает по приказу Рыкова в силу его политики. Второй фокус попроще: Рыков берет из кассы 6 000 000 и вместо них кладет векселя. Ему подражают прочие банковые администраторы, его добрые знакомые, и скоро касса начинает трещать от просроченных, не протестуемых векселей... В конце концов следовательно находит в кассе только 4000! А вот показание свидетеля, председателя конкурсного правления г. Родзевича:

«Сумма неоплаченных векселей простирается до 11 000 000. Взыскано же пока на удовлетворение этого громадного долга только лишь 800 000, да и то с большими трудностями. Кредиторы банка получают по 15 – 18 коп. за рубль, если же на удовлетворение долга пойдет и „многомиллионное“,

рекламой воспетое имущество города Скопина, то за рубль будет получено немногим больше – 28 коп. Авторы векселей большею частью имущества не имеют. Илья Заикин, имеющий имущества только на 330 руб., кредитовался на 118 000! Рыков, должный 6 000 000, не имеет ничего. Попов, бывший откупщик и эпикурец, должен 563 000, а имеет один только паршивенький домишко где-то у черта на куличках, в Архангельске. Глядишь на этих сереньких, полуграмотных мужланов, невинно моргающих глазками, и не веришь ни цифрам, ни прыти! Откуда эти „темные“ люди набрались ума-разума, американской сметки и юханцевской храбрости?

Число вкладчиков равно шести тысячам. Большинство из них принадлежат к среднему слою общества: духовенство, чиновники, военные, учителя... Средняя цифра взносов колеблется между 2000 – 6000, из чего явствует, что на удочку попадались люди большею частью малоимущие...»

За показанием Родзевича следует пародирование гоголевского Шпекина, исполненное бывшим скопинским почтмейстером Перовым. Он в продолжение 16 лет ежемесячно получал от Рыкова 50 руб. На вопрос, чем ему был обязан Скопинский банк, Шпекин невинно пожимает плечами и отвечает незнанием.

– Деньги я, правда, брал, – выжимается из него ответ, – но не спрашивал, за что мне их давали... Давали, ну и брал. Вроде как бы жалованье...

Вообще, надо заметить, герои текущего процесса питают

какую-то страсть к уклончивым ответам, да и эти приходится выжимать из них с великими трудностями.

– Да ведь у вас же была голова на плечах, – обратился председатель к товарищу директора Рудневу, – должны были понимать.

– Голова-то была на плечах, это конечно-с, но... мы люди темные... неграмотные...

26 ноября. Вечер второго дня

Чтобы покончить с операциями приема вкладов, суд допрашивает иеромонаха Никодима, приехавшего в «мир» из дебрей Саревской пустыни Пошехонского уезда. Отец пошехонец дряхл, сед и расслаблен, как лесковский о. Памва. Вооружен он здоровеннейшей клюкой, вырезанной им по дороге из древ девственных, пошехонских лесов... Говорит тихо и протяжно.

– Почему вы, батюшка, положили ваши деньги именно в Скопинский банк, а не в другое место?

– Наказание божие, – объясняет объегоренный старец. – Да и прелесть была... наваждение... В других местах дают по три – по пяти процента, а тут семь с половиною! Оххх... грехи наши!

– Можете идти, батюшка! Вы свободны.

– То есть как-с?

– Идите домой! Вы уже более не нужны!

– Вот те на! А как же деньги!

Святая простота, он воображал, что его звали в суд за получением денег! Какое разочарование!..

Все свидетели толкуют о той диковинной легкости, с которой Рыков выдавал каждому встречному-поперечному чужие финансы. Простые лавочники, продающие овес и уголь, брали сотни тысяч! Векселя менялись на новые, проценты приписывались к капитальному долгу, бланки давались даже кучерами и лакеями. Для того, чтобы поручиться за Ивана, не было надобности быть знакомым с этим Иваном, и кто затруднялся найти поручителя, тому выбирал такового сам Рыков из своей домашней прислуги.

Счета подсудимых, которые почти все должны банку, различаются только по цифрам, по «духу же» они родные братья. Заем не по чину, бесшабашная трата и мена векселей с бесконечною припискою процентов... В своем долге подсудимые видят вину и считают нужным оправдаться.

– Долг не вина! – объясняет председатель. – Виноват не тот, кто берет, а тот, кто дает! Вы не за долг попали под суд.

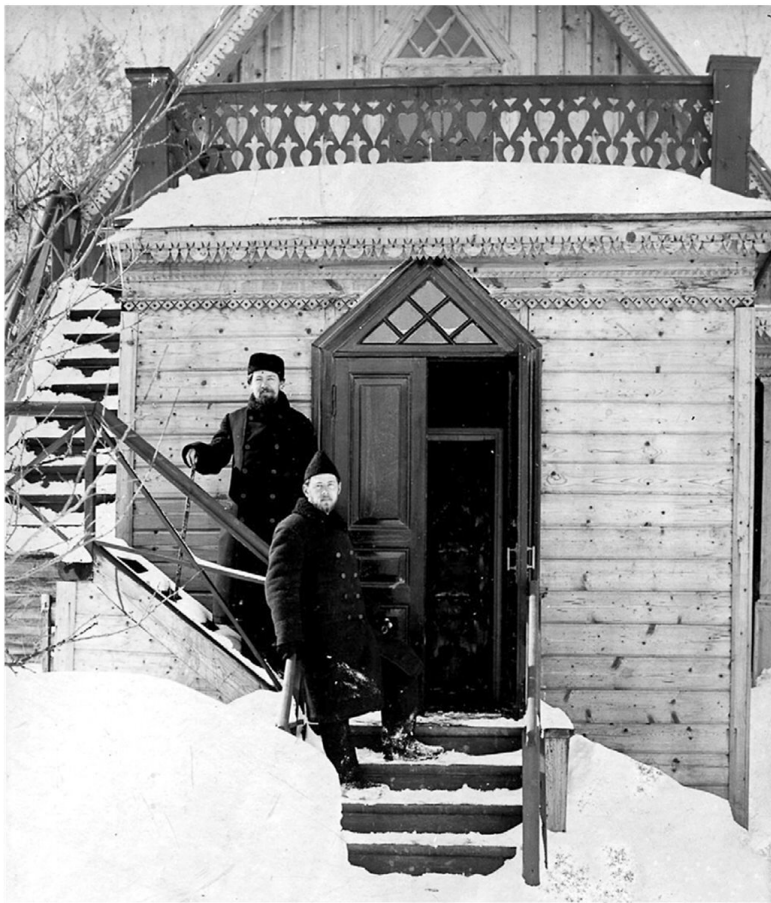
Но подсудимые не понимают... Владимир Овчинников, судящийся за преступления по должности городского головы, встает и дрожащим голосом рассказывает историю своего долга... В этой истории есть и смерть отца, и отцовские долги, и семья на шее, и постройка железной дороги, и упущение в торговле... Она длинна, но почти в самом начале прерывается тяжелыми рыданиями и питьем воды... Рыдания не прекращаются, и изложение истории отлагается до

следующего раза... Впечатление тяжелое...

Находящийся под стражей коммерции советник Попов, бывший откупщик и владелец известного Кокоревского подворья, свой пятисоттысячный долг хочет объяснить не в пример прочим. Рыков был должен ему 500 000, и он взял эти деньги из банка за поручительством Рыкова...

Попов заговорил сегодня впервые. Это в высшей степени интересная личность, по крайней мере для москвичей... Его физиономия и блестящее прошлое плохо вяжутся с теперешним арестантским халатом... Лицо энергическое, умное и интеллигентное, борода Черномора, глаза, окаймленные черными густыми бровями, глубокие, хитрые... О своем долге говорит он, как о пустяке...

В прошлом привык он считать миллионы... стоит ли говорить о таких пустяках, как скопинские деньги?..



Флигель «Чайка» в Мелихове.

У семьи Чеховых была мечта обзавестись собственным домом за городом; до тех пор они жили на съемной квартире

в Москве. Зимой 1892 года А.П. Чеховым была приобретена у театрального художника Н.П. Сорохтина за 13000 рублей в рассрочку усадьба Мелихово, находившаяся в 13 верстах от станции Лопасня Московско-Курской железной дороги. Для того чтобы замаскировать то, что усадьба находилась в плохом состоянии, бывший хозяин перекрасил дом и близлежащие строения. М. П. Чехов (брат А.П. Чехова) напишет позже: «Никто никогда не покупает имения зимою, когда оно погребено под снегом и не представляется ни малейшей возможности осмотреть его подробно, но мы оба [с А. П. Чеховым] были совсем непрактичны, относились доверчиво ко всем...»

27 ноября. Четвертый день

Вопрос о злоупотреблениях по учету векселей не исчерпан. Остается еще допросить на этот счет самих обвиняемых.

Не отрицая своих вексельных дебошей, Рыков все-таки виновным себя не признает. Причина всех причин, по его мнению, сидит в среде заедающей, в положении «одного не воина» и в фортуне, поворачивающейся к человеку, как известно, то задом, то передом. Говорил он складно, пространно, подчеркивая каждое слово. В его дрожащем голосе слышится энергия, нервная решимость... «Ужо, погодите, я все выскажу!» – читается на его оплывшем лице.

– Нет, уж вы меня не останавливайте, ваше п-во! – говорит

он то и дело осаживающему его председателю. – Нет, уж вы позвольте мне говорить!

– Дела банка стали плохи... Но не в силах я был поднять руку на то, что сам создал, на свое детище... Я не в силах был ликвидировать дела, а продолжать держаться на прежней высоте банк мог только злоупотреблениями.

Из пятимиллионного долга Рыков считает на своей совести только полтора миллиона, все же остальное является фикцией: погашение своими векселями чужих долгов и проч.

– Да и эти полтора миллиона я употребил не на себя... Зная, какой страшный, непоправимый вред приносит России лесоистребление, я занялся добыванием каменного угля.

Появилось на свет божий «Общество каменноугольной промышленности московского бассейна», которое, благодаря плохости и угля и гг. инженеров, вскорости приказало долго жить...

Товарищи директора дают очень недлинное объяснение:

– Нам давали подписывать, ну, мы и подписывали... Иван Гаврилыч приказывал... Думали, что так надо...

Бывший городской голова Владимир Овчинников, самый галантный из подсудимых, на вопрос, почему он не прекратил бесчинств в то время, когда знал о них и должен был прекратить их *ex officio*, говорит трагически, рыдающим голосом и запивая каждую фразу водой.

– Я знал, что в банке неладно... Я понимал, сознавал, что

как гражданин я обязан был донести. Но я не герой! В Скопине я живу, имею родственников, связи, все мне дорогое и близкое... Если бы я донес, скопинцы прокляли бы меня... и это было бы моею гибелью...

Вопрос же, почему этот Овчинников, сделавшись городским головою, становится должным банку в пять раз больше, чем ранее, остается неразрешенным, так как подсудимый просит отложить решение этого вопроса до другого раза.

Подсудимый Иван Руднев, изображающий из себя невинного барашка, подписывавшего и «метившего» бланки по неведению и простоте, ставши товарищем директора, задолжал 213 000 руб., ранее же был должен только 40 000. Совершить такую метаморфозу простота и неграмотность ему не помешали.

Тайны скопинского атамана мог знать один только его стремянный, бухгалтер Матвеев. За службу и секрет Матвеев получал не в пример прочим. При готовой квартире и отоплении его ряжское мещанство получало 3 600 р. в год. Кроме того, его папаше выдавалась ежемесячно двадцатипятирублевая пенсия. Ему позволялось увольнять и определять служащих, увеличивать и уменьшать содержание... Он был единственным служащим, которому Рыков подавал руку и которому иногда даже делал визиты. Награда великая, если принять во внимание, что даже вкладчики, первые благодетели Рыкова, не знали другой чести, кроме двух здоро-

венных мужиков в передней г. директора да права глядеть на портрет Рыкова...

28 ноября

Вечером четвертого дня суд, покончив с учетом векселей, приступает к «растрате запасного капитала». Спрошенный на сей счет Рыков говорит, что растрата была вызвана желанием протянуть еще надолго доверие вкладчиков. Товарищ его И. Руднев наивно ссылается на свое плохое умение читать и писать.

– Но вы же все-таки подписывались, и подпись ваша всюду написана хорошим почерком!

– Он подписывался в продолжение 8-ми лет, – заступается защитник, – и так привык, что немудрено, если в его подписи виден хороший почерк.

Утром пятого дня допрашивается многочисленная стая прихлебателей Рыкова, составлявших «неофициальный отдел» скопинской обжорки. Эти не состояли в числе служащих, но тем не менее жалованье получали. Илья Краснопевцев получал жалованье из банка за то, что был помощником церковного старосты. Из того же банка получал 50 р. в месяц Н. Шестов за то, что был домашним письмоводителем Рыкова. Дьякону Попову полагалась ежемесячная мзда «за сообщение Рыкову ходивших по городу слухов». Защитники стараются доказать, что о. дьякон получал не за сплетни, а за молебны и зычный голос.

– Были ли у вас, о. дьякон, с Иваном Гаврилычем интимные разговоры?

– Может, когда и были, не помню-с. Всё больше насчет церковного благолепия...

Кроме дьякона Попова, получали от банка «благодарность» в форме аккуратно выплачиваемого месячного жалования: почтмейстер Перов, сигналисты Водзинский и Смирнов, телеграфист Атласов, секретарь полицейского управления Корчагин, судебные пристава Изумрудов и Трофимов и чиновники канцелярии местного мирового судьи...

Шпекинство почтмейстера Перова подтверждается показанием свидетеля Симакова, корреспонденции которого в редакциях «почему-то» не получались. Сам он не получил однажды «почему-то» двух писем, писанных на его имя. Замечал, что нумера газет с корреспонденциями из Скопина не получались обывателями и в общественной библиотеке старательно прятались.

Рыков не отрицает своей боязни корреспонденций, не отрицает и некоторых антигазетных мер, принятых им «ввиду массы анонимных писем», в которых иксы и зеты угрожали пропечатать его во все корки. Слово «шантажные» срывается с его языка!

– И вы называете газеты шантажными, – говорит председатель, – за то, что они изображали истинное положение дел вашего банка?

– Нет-с... Я говорю о тех авторах писем, которые нахально

требовали с меня денег...

Вызывается свидетель титулярный советник Изумрудов, бывший судебный пристав. Отворяется дверь, и, сильно ступая ногами и потряхивая головой, входит высокий брюнет в «спинджаке», в котором очень мало титулярного, в красной сорочке и ботфортах. Его большая черная голова украшена громадной, мохнатой куафюрой, которой, по-видимому, никогда не касалась целомудренная гребенка. Свидетель то и дело встряхивает головой, улыбается и шевелит бровями. Он заметно бравирует и кокетничает своим знанием «всего подноготного»... На вопрос, за что ему выдавал банк жалованье, он просит позволения начать с самого начала.

– Призывает меня однажды к себе Рыков, – начинает он басом, гордо вскидывая голову и придавая лицу таинственное выражение. – Предлагает мне жалованье...

Он великодушно принимает...

– Зовет он меня в другой раз. «Отчего же, спрашивает, вы мне ничего не доносите, что между купцами говорится?» Меня, знаете ли, возмутило. Я, говорю, не за то получаю эти 25 р., чтоб быть вашим шпионом!

– Однако же у следователя вы не то показывали!

Читают показание, данное им на предварительном следствии и – увы! – находят там фразу: «Хотя роль эта и грязна, но я по бедности принял его предложение».

– Признаться, когда я давал показание у г. следователя, – улыбается Изумрудов, – была масленица и я... тово... был

выпивши, в беспамятстве...

– А у вас много было в городе знакомых купцов?

– Э-э-э... ходил в трактиры для чаепития, то да се...

Свидетеля отпускают. Он напоминает суду о прогонах, садится и самодовольно улыбается во все время до перерыва, когда он еще раз напоминает председателю о прогонах.

Все щедрые подачи из чужого кармана Рыков объясняет бедностью скопинских чиновников и стремлением своим к благотворительности.

– Отчего же вы не благотворили из собственного кармана?

Рыков отвечает, что удовлетворение бедняков было одной из функций банка, а если на все упомянутые жалованья не было журнальных постановлений и приходилось действовать самовольно, то на это были у него невинные приемы, в которых он не находит ничего дурного.

Жалованье неофициальным служащим выдавалось из двух источников. Одна половина получала из жалованья некоторых настоящих служащих, которые по «соглашению» получали гораздо меньше, чем то фиктивно значилось в ежемесячной росписи, на жертву другой половины были отданы купоны от имевшихся в банке серий.

– Купонами вы не имели права распоряжаться! Они не ваши!

– Но зато я имел право вместо серий иметь в кассе наличные деньги, которые не давали бы банку процентов.

29 ноября

На долю конца пятого дня выпадают «злоупотребления по операции покупки-продажи процентных бумаг». После бесшабашного учета векселей бумажные операции занимают самое видное место в ряду банковских «облупаций и обдираций», подкосивших скопинский храм славы у самого его основания.

Покупки бумаг, на которые скопинская простота вначале возлагала большие надежды, не принесли банку ничего, кроме страшных убытков. Чтобы замаскировать эти убытки и придать годовому отчету невинную физиономию, банковцы употребляли следующий паллиатив. В начале января каждого года какой-нибудь подставной мещанин, вроде глухого и ничего не смыслящего в политике Краснопевцева, совершал банку quasi-продажу известного количества процентных бумаг, которые в конце декабря фиктивно покупал он же у того же банка, но уже по высшей цене, и получаемая таким образом разница цен заносилась в счет прибылей. Во время таких продаж и покупок бумаги, конечно, лежали в банковском сундуке и на свет божий не показывались... Краснопевцев продал однажды банку процентных бумаг на 3 000 000, а купил их обратно за 4 000 000, и таким образом банк записал в прибыль миллион... (Действительная же продажа бумаг чрез банкирские конторы дала банку около 2 000 000 проигрыша.)

Спрошенный Рыков бумажных злоупотреблений не отри-

дает, но ссылается на крайнюю необходимость: «Дело дошло до того, что предстояли две крайности: или продать полгорода с молотка, или принять крайние, энергические меры, то есть показать в отчетах громадные убытки, а это было бы смертным приговором для банка...» Вообще, заметно, Рыков набирается храбрости и входит в роль... Он критикует нормальный устав, не дающий гарантий для вкладчиков и узды для правления... Он говорит «литературно» и даже философствует:

– Кредит – это огонь, который, попав в руки взрослых людей, является очень опасным.

По его мнению, фиктивные бумажные операции производятся и в других банках.

Иван Руднев виновным себя не признает.

– Ничего я в этих бумагах не понимаю-с, – бормочет товарищ директора. – Подают мне подписывать, я и подписываю, а понять, что к чему – не моего ума дело...

– Чем же, наконец, вы были в банке?

– Членом-с... (в публике смех).

– Что вы там делали?

– Подписывал-с...

Рыков находит нужным повторить свою «исповедь», для тех газет, «которые прокричали на всю Россию, что есть такой зверь Рыков, который проглотил 6 миллионов, упрямо и настойчиво не печатают теперь исповеди, а если печатают, то в извращенном и сокращенном виде».

Кстати говоря, об «извращенном и сокращенном виде» Рыков слышал от других. Газет он теперь не читает. Ему разрешено читать одни только «Московские ведомости», но и тех пришлось ему просить у одного пишущего, которому удалось побеседовать с ним на этот счет...

Покончив с разного рода фикциями, суд приступает к погрешностям по ежемесячному и ежегодному контролю «цветущего состояния банка» и его сундука... Тут Рыков поднимается и просит позволения сказать слово о годовых отчетах.

Опять умоляющее лицо, дрожание рук... Опять речь о миллионе, погубленном на уголь, о нормальном уставе, не дающем гарантии вкладчикам и узды правлению... Планы годовых отчетов высылались ему благодетелями из Петербурга, но кто высылал, он говорить не желает... Неправильности в контроле являлись необходимостью вследствие «недостатка мужества» ликвидировать дела банка...

– Прошу эти мои слова, – заканчивает Рыков, задыхаясь от мучающих его сердцебиений, – стенографировать и напечатать...

Городские головы, члены управы и гласные, на обязанности которых лежал контроль банка, отчеты подписывали и похваливали, но не проверяли, хотя и знали о их злокачественности... У одних из них не хватило мужества, другие верили старшим, третьи действовали по неразумию...

Выясняется на суде, что отчеты подписывались разом за несколько месяцев, что они носились для подписи по лавкам

и домам, а о собраниях и помину не было...

Защита невесела... Она чувствует себя в загоне и ропщет... То и дело слышатся председательские: «это к делу не относится!», «это уже разъяснено!», «не позволю!»... Какой-то защитник из молодых, обрезанный председательским veto⁶, просит о занесении в протокол. С другим, у которого от непосильной работы и частых veto напряжены нервы ad maximum⁷, делается в буфете что-то вроде истерики... Вообще вся защита, en masse⁸, повесила носы и слезно жалуется на свою судьбу, на прессу... Ни в одной московской газете, по ее мнению, нет ни порядочного отчета, ни справедливости, ни мужества...

30 ноября

Седьмой день – день психологов, бытописателей и художников. Скучная бухгалтерия уступает свое место жанровой характеристике лиц, характеров и отношений. Публика перестает скучать и начинает прислушиваться.

Свидетелями подтверждается, что дума находилась в полной зависимости от правления банка. Городские головы, гласные и их избиратели всплошную состояли из должников банка – отсюда страх иудейский, безусловное подчинение и попускательство... Город изображал из себя стадо кроликов, прикованных глазами удава к одному месту... Рыков, по выражению свидетелей, «наводил страх», но ни у кого не хватало мужества уйти от этого страха.

Свидетель Арефьев, мужичок, должный банку 170 тысяч, повествует, что один только бог мог бороться с Рыковым. Все его приказания исполнялись думой и обывателями безусловно.

– Большое лицо был... Скажи он: «Передвинуть с места на место этот дом!» и передвинули бы. Никто не мог преко-словить... Человек сильный... Ничего не поделаешь...

По его мнению, товарищ директора и кассир Ник. Иконников – человек хороший, честный и состоятельный, поступил же в банк «по глупости».

– На его месте я никогда бы не пошел служить в этот банк... В банк шел тот, кто бога не боялся...

Свидетель Котельников рассказывает, что перед каждым выборами агенты Рыкова ходили по дворам обывателей и советовали не выбирать «господ», которых Рыков недолюбливал, а выбирать городских, обязанных банку. По его мнению, Рыков сделал для города много хорошего. Построенная им дорога значительно повысила скопинскую торговлю.

Тут Рыков поднимается и просит позволения сказать несколько слов о построенной по его инициативе железной дороге. Он заявляет, что эта дорога, приносящая теперь Скопину «вековую» пользу, стоила ему частых и хлопотливых поездок в Петербург, издержек и проч. ...

На заседаниях думы он сидел обыкновенно рядом с головой и по каждому докладу подавал мнение первый... Это мнение и принималось, а всякие против него возражения

отвергались. Составление собрания думы для рассмотрения годовых отчетов вызывало со стороны Рыкова и его верно-подданных голов особые меры. Заседания эти зачастую назначались внезапно, вследствие чего люди вредные и подозрительные получали повестки за полчаса до заседания или же, что проще, после заседания.

Свидетель А. Кичкин, человек «вредный», рассказывает, что перед одним заседанием, в которое гласные хотели избрать его кассиром, Рыков услал его из города «осмотреть железные и медные вещи» и что повестка была вручена ему в то время, когда он садился на поезд. В кассиры выбран он не был, потому что знающий законы Рыков заявил на заседании, что «отсутствующие» избираемы быть не могут, и таким образом «вредный дух» был выкурен. Каждый праздник Рыков посылал в Петербург поздравительные телеграммы и получаемые ответы приказывал печатать и рассылать по домам и лавкам. Действуя таким образом, он не мог не приобрести репутации человека «высоко стоящего». Подсудимый, городской голова Василий Иконников, которого, как рассказывают, спаивал Рыков, по словам Кичкина, пил сильно и даже на заседания являлся в пьяном образе.

Интересное показание дает врач Пушкарев, скопинский старожил и теперешний голова... Он говорит с жестикуляцией, щеголяет образными, витиеватыми выражениями и старается объяснить самый «корень», но с трудом сосредоточивается на каждом вопросе...

Рыков, по мнению доктора, человек «особой характеристики», необыкновенный. Его нельзя мерить обыденным аршином. Польза, которую принес он городу, громадна. Город стал на высоту губернского, и, если отнять у него все данное Рыковым, он обратится в «пустыню». Богадельни, приюты и учебные заведения Рыков устраивал из честных побуждений...

– Вы знаете, что в Скопине был приют имени Рыкова. Не находите ли, что учебные заведения и библиотека были устраиваемы им из тщеславия?

– Нет, любил народное образование.

Остальных подсудимых доктор сравнивает с матросами...

– Все это корабль, а они матросы... Корабль плывет, а матросы натягивают паруса, слушают приказания вождя, но не ведают, куда несет их корабль...

Бухгалтера Матвеева свидетели рекомендуют с хорошей стороны. Жил он тихо и скромно, слушался Рыкова и без предварительного доклада никаких дел не совершал. Кассир и товарищ директора Иконников, в дополнение к хорошим аттестациям, которыми свидетели украшают его нрав и характер, заявляет:

– Да ей-богу! Вот как перед богом! Я и не хотел в банк поступать! Зовет раз меня к себе Рыков и приказывает: «Иконников, ты поступи на Василь Якалича место!..» Я Христом богом... Ослабоните, я неграмотен! А он гырт: «Тебе, гырт, нет дела до твоей малограмотности, ты только подписывай!»

Не послушаться нельзя было: вдребезги разрушит! Приказал, почему и сижу таперича на подсудимой скамье...

Свидетель Дьяконов, очевидно, ждал процесса, чтобы излить свою желчь, накипавшую годами... Давая свое показание, он нервно спешит и пускает в сторону Рыкова негодующие взоры...

– Я шел против банка, и за это он посадил меня в тюрьму! Я был должен 20 тыс. и сидел, другие же, которые были должны 500 тыс. и более, оставались в покое... Сидел я 11 месяцев, а он говорил всем в это время: «Так вот я поступаю со всеми, кто идет против меня! Со мной опасно ссориться!» Войдя со мной чрез поверенного в сделку, он выпустил меня, но, взяв мои дома, нажил 10 тыс., так как никого на торги не пустил и имущество оставил за собой. Кроме меня, за долги еще никто не сидел, потому что кроме меня никто не шел против него...

Показание Дьяконова Рыков объясняет мщением за 11-месячное тюремное заключение и просит не верить.

– Не я нажил 10 тыс., а банк... И как я мог не пустить на торги, если о них печатается?

Маленький черненький защитник с сильным еврейским акцентом спрашивает у одного свидетеля:

– Говорил ли когда-нибудь Рыков вместо головы?

– Это физически невозможно! – протестует Рыков. – Мне даже обиден подобный вопрос!..

Председатель призывает маленького защитника к порядку

и советует ему «прежде подумать, а потом уже спрашивать».

1 декабря

Вечер седьмого дня посвящен обвинению Рыкова, Руднева, Иконникова и прочих рыковцев в том, что они «составляли и скрепляли своими подписями заведомо фальшивые отчеты о состоянии банковской кассы для думы и министерства финансов...» Отчеты составлялись, но дело в том, что отчеты для думы разнились во многом от gross-буха, а отчеты для министерства тянули из разной оперы и с gross-бухом, и с отчетами для думы, и таким образом одна «правда» подносилась думцам, другая – министерству...

Эта отчетная разноголосица подтверждается и сознанием подсудимых, и показаниями свидетелей... Выясняется, что бухгалтер Матвеев, чуявший нюхом весь риск подобных отчетов, ежегодно перед составлением отчетов брал отпуск и уезжал на богомолье, оставляя все на помощников своих Швецова и Аляшева. Поездки Матвеева и его косвенный нейтралитет особенно усердно подтверждаются родственником его Феногеновым. По милости этого Финогенова происходит на суде маленький пассаж... Давши свое показание и севши на место, он вдруг поднимается, подходит к свидетельской решетке и заявляет о своем желании сделать дополнение к только что сказанному... Показание его для Матвеева благоприятно. Такое же свойство имеет и его дополнение...

– А вы ведь родственник Матвеева! – замечает председатель...

Г. Курилов, защитник Матвеева, весь состоящий из сладенькой улыбки, защитнический словарь которого переполнен сладенькими словами «почтительнейше», «покорнейше», «осмелюсь заявить, ваше п-о» и проч., вдруг поднимается и, согнав с своего побледневшего лица обычную сладость, просит замечание г. председателя <занести> в протокол.

Перед концом заседания Рыков просит председателя о том, о чем просил вчера и третьего дня, о чем попросит завтра и послезавтра: начать завтра заседание его, Рыкова, исповедью. Наступает утро восьмого дня, и Рыков говорит то же самое, что говорил в продолжение всей истекшей недели и о чем не перестанет толковать и в дни будущие. Исповедь его приелась и суду, и публике.

Когда Рыков поднимается, чтобы завести свою машинку, его защитник г. Одарченко морщится...

– Садитесь! – оборачивается он к своему клиенту. – Слушайте председателя!

В составлении фальшивых отчетов и скреплении их подписью Рыков виновным себя признает.

– Я в этом деле был преступен, но...

И после «но» следует та же исповедь с повторением, что «говорю по совести, планы для отчетов я получал из Петербурга, а это (указывает на подсудимых) не счетчики, а только

прикладчики!»

Засим новый пункт обвинения: начиная с 1874 г., ежегодно перед тиражом 1-го и 2-го займа рыковцы делали постановление о продаже подставным лицам, Рудневым и Краснопевцеву, выигрышных билетов, немного же погодя, когда миновало время выигрышей и тиражей, делалось постановление об обратной покупке этих билетов. Делалось это ради фиктивных прибылей, которыми замазывались отчетные дыры...

Рыков по этому пункту виновным себя признает и опять начинает исповедь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.